

уже определить, каковы результаты этой борьбы: происходит, в сущности говоря, постепенная элиминация основных мозговых центров партии, партийной „интеллигенции“; у власти остаются люди дела и практики,—не мастера газетных фельетонов, но специалисты в политической хватке. Тем самым внутрипартийная борьба теряет идейный характер, столь ярко ощутимый в „дискуссиях“. Борются не за принципы, а за власть—и победитель легко усваивает принципы побежденного, раз они ему тактически полезны и нужны. Всё это — показатель постепенного выветривания партийной идеологии,— процесс, который отнимает у властных отношений всякую идеократическую основу. Тем более отчетливо при таких обстоятельствах обязаны мы противопоставлять свою цельную и новую идеологию выветривающейся теории и практике русского марксизма. И кто этого не понимает, тот совершает величайшее предательство евразийства, — предательство, которому нет оправдания и прощения.

Наконец, уже год тому назад можно было подметить ряд признаков, указывающих на вновь охватывающую советское государство спазму насилия и гнета. Такая спазма появляется всегда в период неудач, период же успехов всегда ослабляет давление гипертрофически выросшего коммунистического государственного аппарата. Жизнь в советском государстве в такие периоды неудач становится особо тяжелой,—и жалобы на это вновь льются к нам широкой волной, из различных углов нашей родины. В такие моменты мы с особой силой должны выдвигать начала законности и права, которых жаждет население советского союза. Мы являемся сторонниками государственного начала, идеологами крепкой государственной власти,—но пусть не думают, что эту власть мы отождествляем с произволом, с голым принуждением. Мы знаем, что в настоящее время, из соображений антисоветской тактики, все политические направления рекламируют себя в качестве преимущественных носителей правовых начал. Это делают даже те, прежние и настоящие реакционеры, которые в душе глубоко презирают право и издеваются над ним. Мы не склонны заниматься такой саморекламой, но в последующем развитии наших идей надеемся показать, что стихия права более глубоко и органично связана с евразийством, чем с любым из современных русских политических течений.

Таковы основные политические требования, выставляемые современным моментом, и лозунги, отвечающие, по нашему мнению, существующей политической обстановке.

ЗАДАНИЕ ЕВРАЗИЙСТВА

Основное историческое задание евразийства—это включение происшедшего в революции—в рамки русской и евразийской исторической традиции. Задание это не есть познавательное и созерцательное, но действительное задание. Включение происшедшего в историческую традицию не может быть механическим. Им подразумевается установление некоторой существенной одноприродности между тем, что вклю-

чает, и тем, что включается. На этом основано евразийское отбирающее отношение к действительности. Не всё, что произошло, и не всё, что возникло, войдет в русскую и евразийскую историческую традицию. Наряду с принятым, есть отвергнутое. И многое происшедшее и возникшее войдет в преобразованном виде. Процесс выделения жизнеспособного и устойчивого из преходящего и наносного происходит в разворачивании исторических событий. Задача евразийства — теоретическим осознанием и действенным участием — направить и ускорить этот процесс.

Величайшая задача нашего времени — это насыщение современных социальных процессов религиозным содержанием. Коммунистический атеизм есть низведение человека в животное (бестыльное) состояние. Коммунистический атеизм порывает связь человека с Творческим Центром мира, связь, которая отличает человеческий род от остального органического мира. Коммунистический атеизм должен быть преодолен в пореволюционном процессе. Социальная же проблема, с чрезвычайной силой поставленная коммунизмом, — подлежит принятию и вместе с тем — дальнейшему и небывалому развитию. И не случайно, что проблема труда и царства трудящихся — с такою силою поставлена именно в России. Это — одно из проявлений мессианского призвания России. И задача дальнейшего развития заключается в том, чтобы идею царства трудящихся связать с религиозной идеей.

В замысле истории, для выполнения этого задания предизбран культурно-исторический мир России — Евразии. Современная Россия болеет двумя вопросами, и движима двойным порывом. В одной своей части, она проникнута социальным пафосом. Пафос этот есть великое творческое и устрояющее начало. Но пребывая в отрыве от религиозного принципа, он лишается глубинного смысла, теряет объем и емкость, превращается в „дьяволов маскарад“. Другая часть России, гонимая и подпольная, но тем ярче сияющая подвигами святых и мучеников, живет религиозным порывом. Но этот порыв не имеет социального приложения, который отвечал бы его обновленному и активному существу.

Каждый, кто умаляет или отодвигает в сторону религиозную природу евразийства — делает злое и неправо дело. Историческое задание евразийства — принести в существующее, в его наиболее настоящие и передовые процессы — религиозную правду. И как раз религиозное и связанное с ним нравственное содержание евразийства есть наиболее ценная и важная его часть. Религиозная правда должна раскрыться, как правда социальная; и освятить социальное деланье. — Божеской правды (осознанно или неосознанно) взыскует душа наиболее глубоких и простых делателей современной России. Их тяготит отрыв от Бога, который наложен коммунистическим атеизмом. — Не может и не должен померкнуть идеал социальной правды, светящий России. Но должно быть расторгнуто то средостение, которое новую социальную Россию отделяет от Бога. И к тому, чтобы расторгнуть это средостение, должно быть направлено объемлющее их и нас, тамошних и здешних — общее дело.

П. Савицкий